

Без срока давности

Между 15 августа 1941 (начало оккупации Хотимского района) и 26 сентября 1943 года 772 дня. Много это или мало? Для истории очень мало, а для тех, кто жил на оккупированной территории, перенося все тяготы войны: бесчинства немцев, карателей, голод, угон на принудительные работы в Германию, казни – это невыносимо долго. Жить в постоянном страхе вынуждены были не только взрослые, но и дети...

Ныне это люди почтенного возраста.

Свидетельница тех страшных событий – Антонина Васильевна Бусарова (Шевцова), 1927 года рождения, которая сейчас проживает в Хотимске.

О жизни в немецкой оккупации она до сих пор вспоминает с волнением.

«Однажды мама, тетя и я идем в поле и видим: на березе сидит человек в военной форме. Тревожно стало. Знали, что немцы уже близко, но все равно ходили в поле, работали. Ближе к обеду тишину взорвал рокот мотоциклов. И сразу же услышали стрельбу. Женщины закричали, полегли на ржевник, прятались, укрываясь снопами. Позже узнали, что это была немецкая разведка. Домой мы возвращались ползком по колючкам, искололи до крови все колени. Выбрались на дорогу, встретили колонну мотоциклистов, а потом заметили пулеметчика, тело которого свисало с дерева. Женщины плакали. Легли спать не раздеваясь. Было страшно. Немецкая техника шла, все тряслось в доме.

Была у нас улица, где жили евреи. За два дня немцы собрали всех евреев на улице КИМ, пригнали танки из деревни, огородили это место проволокой. Мы боялись днем выйти к колодцу за водой (он был возле домов евреев). Когда вели евреев по центральной улице, я выскочила из калитки и передала хлеб одному из них. Даша Колтунова, дочь полица, рассказала отцу о моем поступке. За мной начали следить. Второй раз меня караулили. Когда евреи проходили мимо и немец заметил, что я передаю хлеб, он ударил еврея по голове винтовкой, а мне по рукам, задело и шею. Мне стало больно, я была вся в крови. Мама бросилась

ко мне, закрыла калитку и поскорее увела меня в дом.

Однажды девочки с нашей улицы проникли на склад, где хранилась соль (до недавнего времени на месте склада находился пивной бар по улице Комсомольской). Я с подружкой тоже побежала за солью. Без соли еда – это не еда. Прибежали туда, видим: две женщины откалывают лопатой спрессованную соль. Мешочки у нас были льняные, и мы начали понемножку собирать соль. Вдруг зашли немцы. Один из них подошел к женщине и, взяв лопату, начал насекал. Женщина стала сгребать соль, а гитлеровец лопатой по руке ей ударил. Немцы смеются, а женщина плачет, кровь хлещет из руки, соль стала красной – страшное зрелище! Мы с подружкой выбежали и, не оглядываясь, помчались до Сталинской школы (сейчас это ЦТДИМ). Мы добежали до речки и спрятались. Соли мы набрали по килограмму, и это была большая радость для всех. Затем добежали до нашей землянки в поселке Заря. В Зарю мы эвакуировались еще в 1941-м, там и землянку в саду соорудили. Очень часто прятались в ней.

Сначала немцы жили у полицаев, а через некоторое время расселили их по домам. И у нас почти месяц жили трое немцев. Одного немца звали Мартином, другого Куртом. Молодые все они, говорили, что у них маленькие дети были. Кухня немцев находилась в доме культуры, на Коммуне. Мыться ходили в городскую баню. Говорили о том, что не хотели войны. Нас предупреждали: «Смотрите, не выходите на улицу, в окошко тоже не смотрите, когда эсесовцы идут». Эсесов-

Учащиеся СШ №2 и Антонина Васильевна Бусарова

цев боялись все. Форма у эсесовцев была черная, и на левом рукаве – большая птица с крыльями и крест. Когда появлялись эсесовцы, нужно было ждать беды».

Антонина Васильевна убирала у немцев. Они слушали музыку на патефоне, особенно им нравилась «Катюша». А как уезжали, оставили чемодан, в котором хранили снаряды. Не всем повезло, как семье Антонины Васильевны с такими «квартирантами», многие хотимчане были выселены из собственных домов, а в них поселились гитлеровцы.

Раненых немцев привозили в Сталинскую школу, а умерших хоронили неподалеку. Антонина Васильевна сама видела березовые кресты на их могилах. Что было на крестах? Каски! Площадь кладбища была соток пять. В школе находился лазарет для тяжелобольных. А после войны прокладывали дорогу, и это немецкое кладбище разровняли бульдозеры.

Нас освободили, но война еще не закончилась. Директор школы, фамилия его была Кокашинский, якобы помогал немцам. Наши дали команду: «Приходите и смотрите на участь его!». Кокашинского вешали там, где сейчас автостанция. Гово-

рили, что он был очень хороший человек, детей любил, сады школьные смотрел. Нанимал работницу, которая готовила обеды детям, жившим далеко. Очень жалко было этого человека. Мы не хотели верить, что он помогал немцам», – со слезами на глазах рассказывала Антонина Васильевна.

После войны Антонина Васильевна вышла замуж. В семье родилось трое детей. Работала в школе-интернате на кухне, а также ночной нянечкой и швеей. В 2011 году умер муж Антонины Васильевны, и с октября этого года она проживает на улице Садовой с дочерью Тamarой.

Дети войны свидетельствуют о том, какой была жизнь на оккупированной территории Хотимского района. Подтверждают факты мужества, героизма, силы духа белорусского народа, несломленной воли. Наша задача – свято хранить историческую память и правду о Великой Отечественной войне, её героях и невинных жертвах, а также детях войны, благодаря которым мы знаем правду о военных событиях из первых уст.

Янина САВЛЮКОВА,
учитель истории СШ №2

Савлюкова, Я. Без срока давности / Янина Савлюкова // Шлях Кастрычніка. — 2024. — 23 кастрычніка. — С. 6 : фото.

Воспомяна Антонины Васильевны Белоусовой об оккупационном режиме в Хотимске.